С Новым Годом!
СКАЗКИ * СТИХИ

Художник В. Коркин

С Новым годом!

СТИХИ И СКАЗКИ

МОСКВА
РОСМЭН
2009

Ф. Тютчев

* * *

Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит —
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.

И стоит он, околдован, —
Не мертвец и не живой —
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Лёгкой цепью пуховой...

Солнце зимнее ли мещет
На него свой луч косой —
В нём ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.

Н. Некрасов

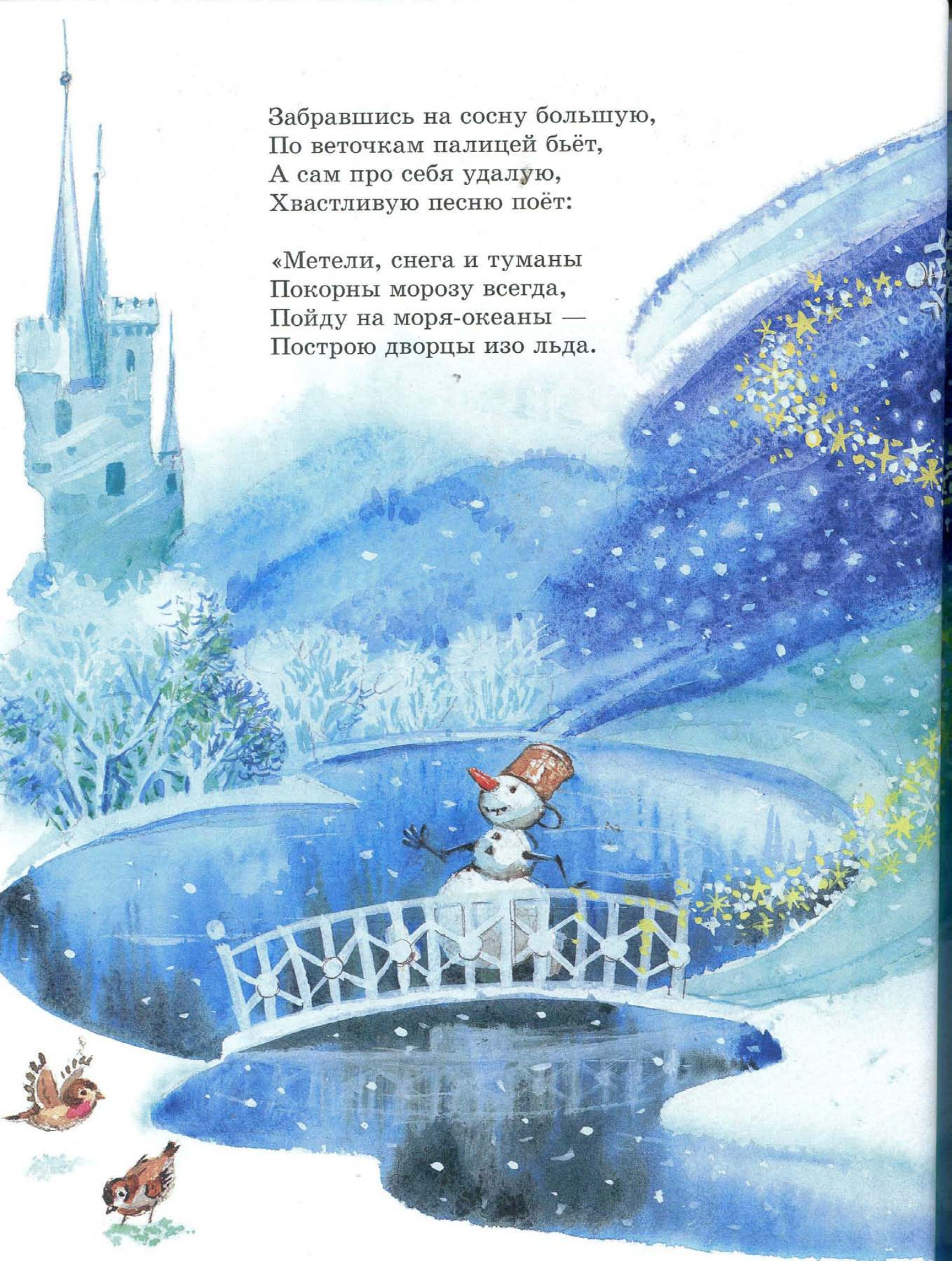
МОРОЗ-ВОЕВОДА

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-Воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит — хорошо ли метели
Лесные тропы занесли
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идёт — по деревьям шагает,
Трещит по замёрзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.



Забравшись на сосну большую,
По веточкам палицей бьёт,
А сам про себя удалую,
Хвастливую песню поёт:

«Метели, снега и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря-океаны —
Построю дворцы изо льда.

Задумаю — реки большие
Надолго упрячу под гнёт,
Построю мосты ледяные,
Каких не построит народ.

Где быстрые, шумные воды
Недавно свободно текли,
Сегодня прошли пешеходы,
Обозы с товаром прошли...

Богат я: казны не считаю,
А всё не скудеет добро;
Я царство своё убираю
В алмазы, жемчуг, серебро».

А. Пушкин

* * *

Вот север, тучи нагоняя,
Дохнул, завыл, — и вот сама
Идёт волшебница зима!
Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на суках дубов,
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмов,
Брега с недвижною рекою
Сровняла пухлой пеленою.
Блеснул мороз. И рады мы
Проказам матушки зимы.

Г. Лагздынь

МОРОЗ

Солнце лишь коснулось крыши,
Дед Мороз из дома вышел,
Заспешил Мороз к реке
С белым облаком в руке.
На дорожки, на тропинки,
Там, где были лужицы,
Дед Мороз кидает льдинки
И на льдинках кружится.
По реке скользит, морозит,
В ивы дышит сединой,
Снег кидает под полозья
Рукавицей ледяной,
А потом, схватив охапкой,
Насыпает на крыльцо,
Бьёт по стёклам мёрзлой шапкой,
Озорно пылит в лицо.
А догнать? Поди! Попробуй!
Заведёт Мороз в сугробы,
А в сугробах — терема.
Там живёт сама зима.

С. Есенин

* * *

Поёт зима — аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далёкую
Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробушки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А вьюга с рёвом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится всё сильней.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мёрзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
Красавица весна.

Р. Кудашева

ЗИМНЯЯ ПЕСЕНКА

Вот зима пришла
Серебристая,
Белым снегом замела
Поле чистое.
Днём с детьми на коньках
Всё катается;
Ночью в снежных огоньках
Рассыпается...
В окнах пишет узор
Льдом-иголочкой
И стучится к нам во двор
С свежей ёлочкой.

М. Пожарова

ЗАКЛИНАНИЕ ЗИМЫ

Разукрасилась зима:
На уборе бахрома
Из прозрачных льдинок,
Звёздочек-снежинок.
Вся в алмазах, жемчугах,
В разноцветных огоньках,
Льёт вокруг сиянье,
Шепчет заклинанье:
— Лягте, мягкие снега,
На леса и на луга,
Тропы застелите,
Ветви опушите!
На окошках, Дед Мороз,
Разбросай хрустальных роз
Лёгкие виденья,
Хитрые сплетенья.
Ты, метелица, чуди,
Хороводы заводи,
Взвейся вихрем белым
В поле поседелом!
Спи, земля моя, усни,
Сны волшебные храни:
Жди, в парчу одета,
Нового рассвета!

Л. Воронкова

ЗИМА

Наши окна кистью белой
Дед Мороз разрисовал.
Снегом полюшко одел он,
Снегом садик закидал.
Разве к снегу не привыкнем,
Разве в шубу спрячем нос?
Мы как выйдем да как крикнем:
— Здравствуй, Дедушка Мороз!
Нам кататься, веселиться!
Санки лёгкие — в разбег!
Кто промчится, будто птица,
Кто свернётся прямо в снег.
Снег пушистый мягче ваты,
Отряхнёмся, побежим.
Мы — весёлые ребята,
От мороза — не дрожим.

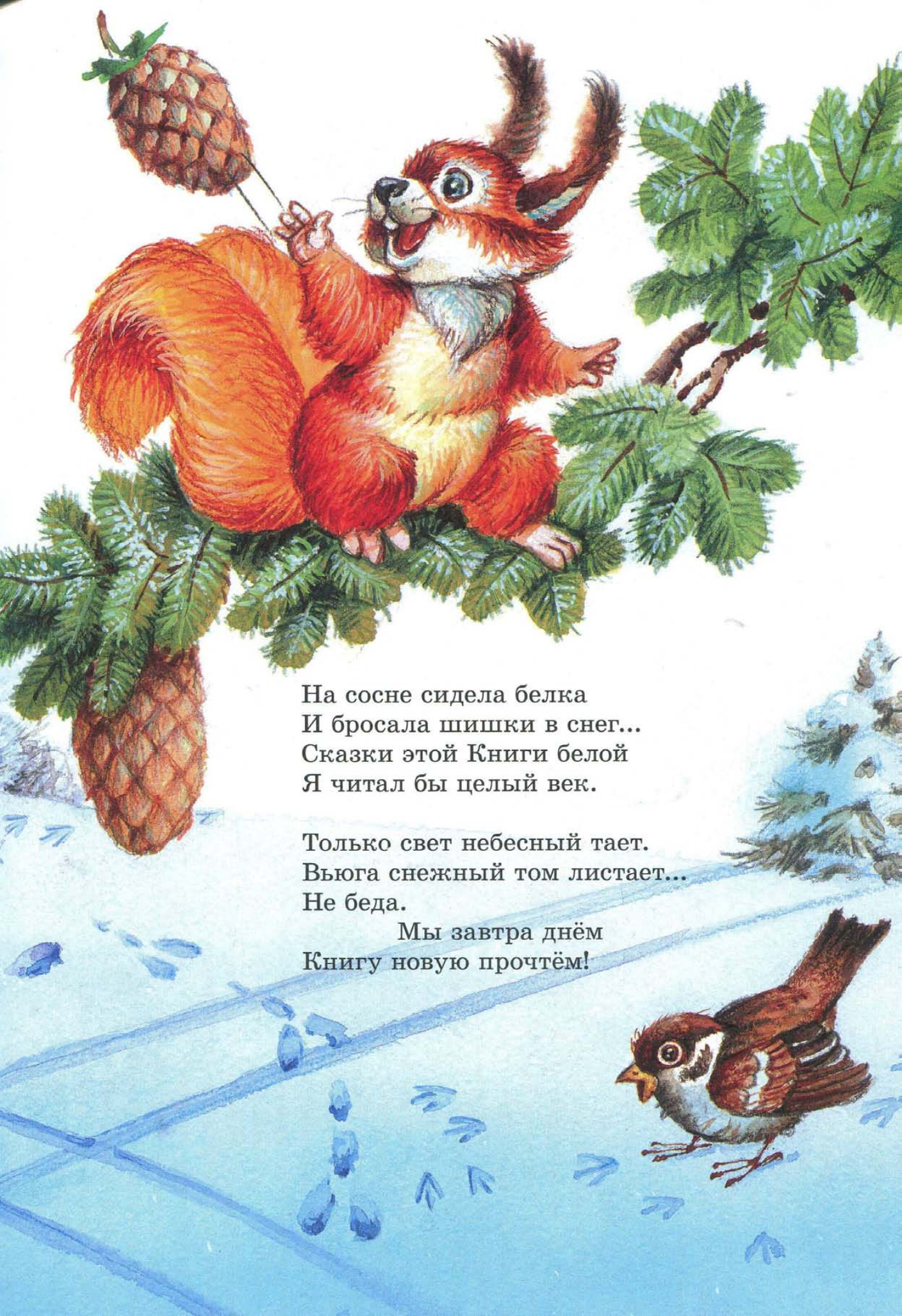
А. Усачёв

СНЕЖНАЯ КНИГА

Снег как белая страница.
Что написано на ней?
Вышла из лесу лисица...
Рядом виден след саней.

На снегу оставив знаки,
Пробежали две собаки.
Вот — свалился кто-то с лыж.
Вот — зерно искала мышь.

Прочитаем дальше строки:
Здесь скакали две сороки.
Следом — прыгал воробей...
Почерк мельче и слабей.



На сосне сидела белка
И бросала шишки в снег...
Сказки этой Книги белой
Я читал бы целый век.

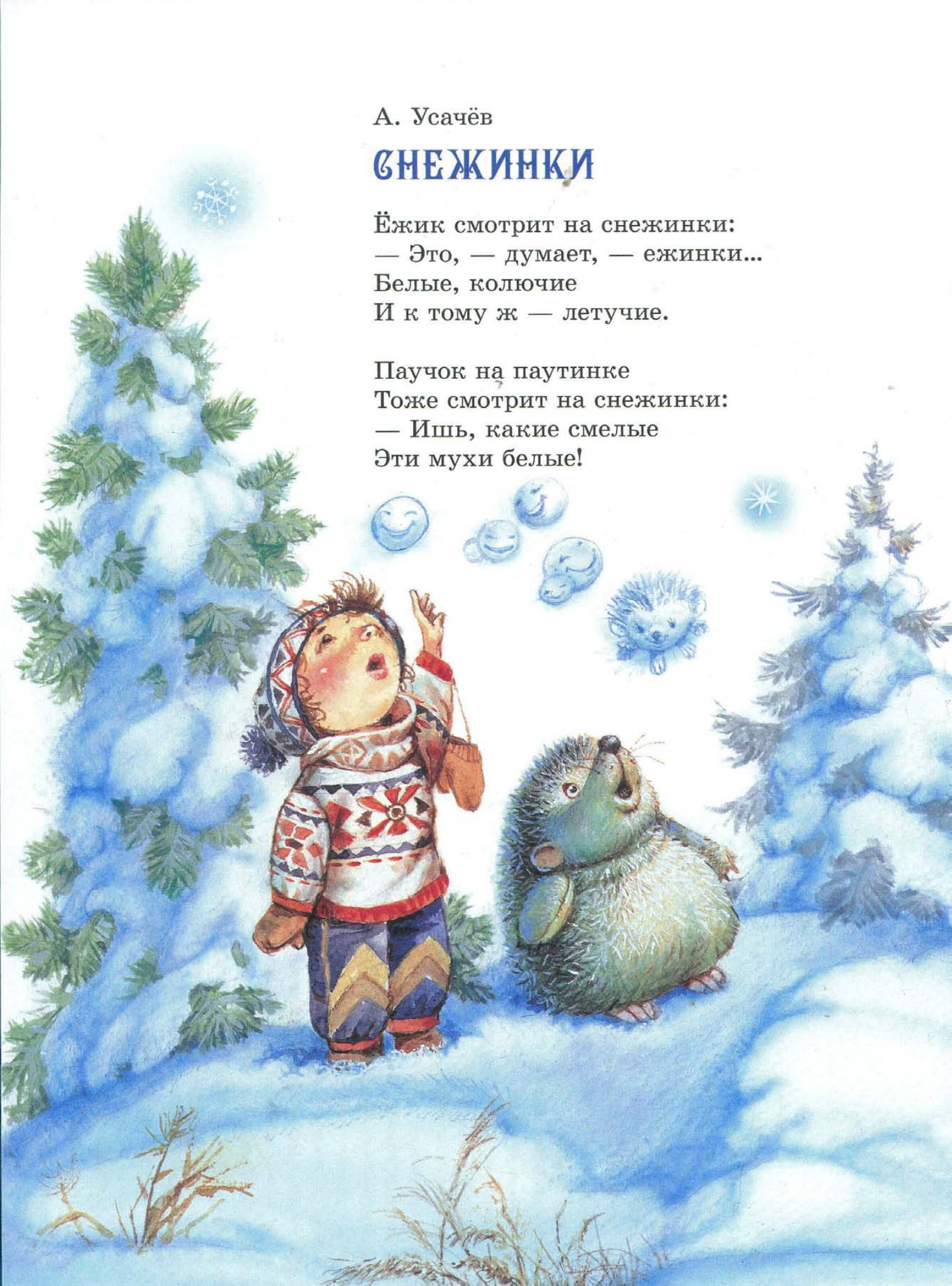
Только свет небесный тает.
Вьюга снежный том листает...
Не беда.
Мы завтра днём
Книгу новую прочтём!

А. Усачёв

СНЕЖИНКИ

Ёжик смотрит на снежинки:
— Это, — думает, — ежинки...
Белые, колючие
И к тому ж — летучие.

Паучок на паутинке
Тоже смотрит на снежинки:
— Ишь, какие смелые
Эти мухи белые!



Заяц смотрит на снежинки:
— Это заячьи пушинки...
Видно, заяц — весь в пуху —
Чешет шубу наверху.

Мальчик смотрит на снежинки:
— Это, может быть, смешинки?..

Не поймёт он, почему
Очень весело ему.

А. Усачёв

МАРШ СНЕГОВИКОВ

Шли в поход снеговики:
Что нам пули и штыки?
Нам снаряды не страшны...
Лишь бы не было весны!

Ать-два,
ать-два,
В кастрюле — голова!

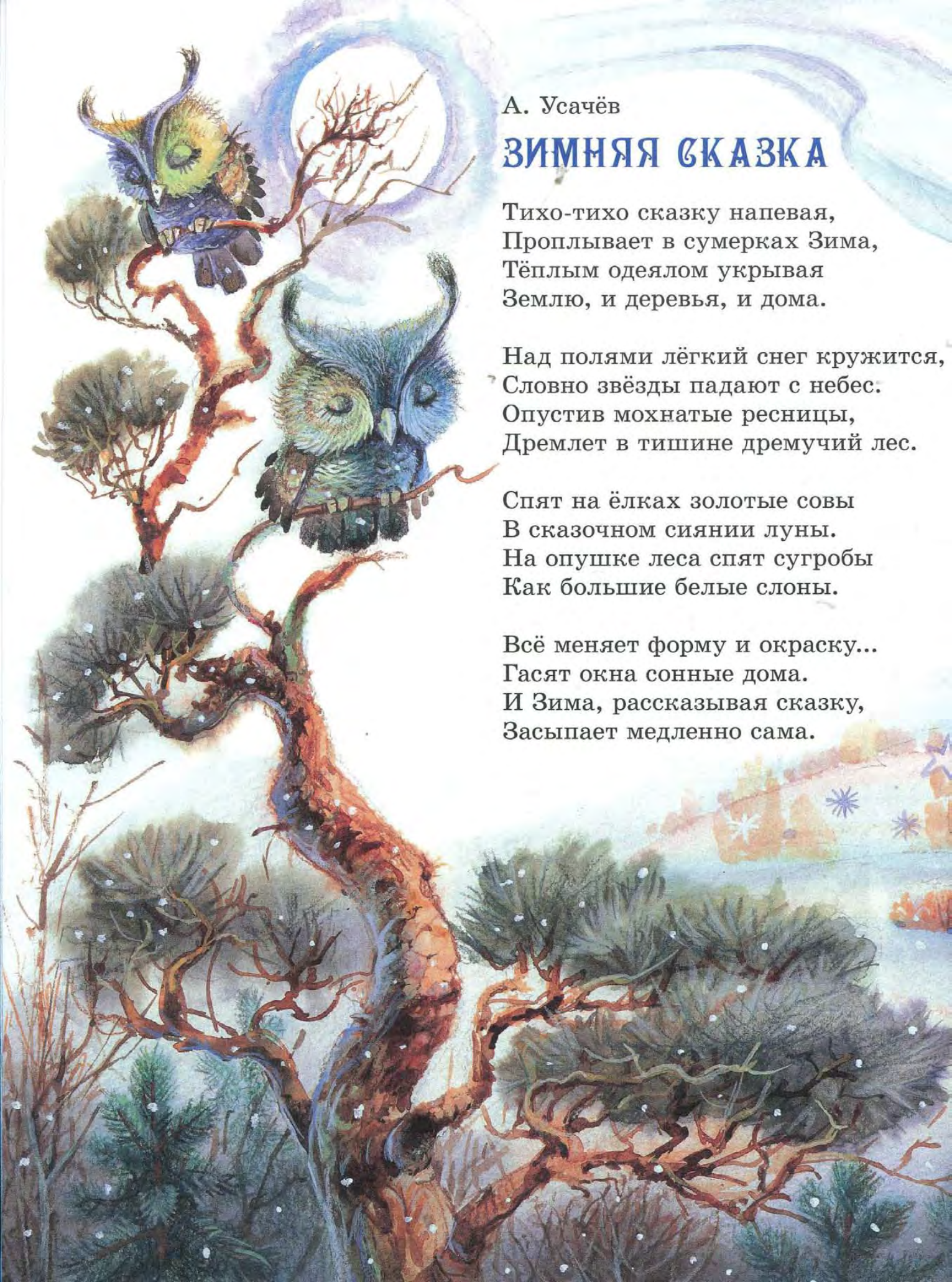
Мы ребята хоть куда,
Из сосулек борода,

Пусть носы у нас красны...
Лишь бы не было весны!

Ать-два,
ать-два,
В кастрюле — голова!

Не страшны сугробы нам,
Не страшны микробы нам,
Мы как сталь закалены...
Лишь бы не было весны!

Ать-два,
ать-два,
В кастрюле — голова!



А. Усачёв

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Тихо-тихо сказку напевая,
Проплывает в сумерках Зима,
Тёплым одеялом укрывая
Землю, и деревья, и дома.

Над полями лёгкий снег кружится,
Словно звёзды падают с небес.
Опустив мохнатые ресницы,
Дремлет в тишине дремучий лес.

Спят на ёлках золотые совы
В сказочном сиянии луны.
На опушке леса спят сугробы
Как большие белые слоны.

Всё меняет форму и окраску...
Гасят окна сонные дома.
И Зима, рассказывая сказку,
Засыпает медленно сама.

Лишь солнце выйдет на небо —
На нём, как на печи,
Поджарятся румяные
Большие калачи!

Колдует мельник старенький,
Не ведая того:
Растают булки-пряники
И калачи его.

Придёт пора весенняя
И зажурчит вода...
И мельница волшебная
Исчезнет без следа.

А. Усачёв

ПОЧТА ДЕДА-МОРОЗА

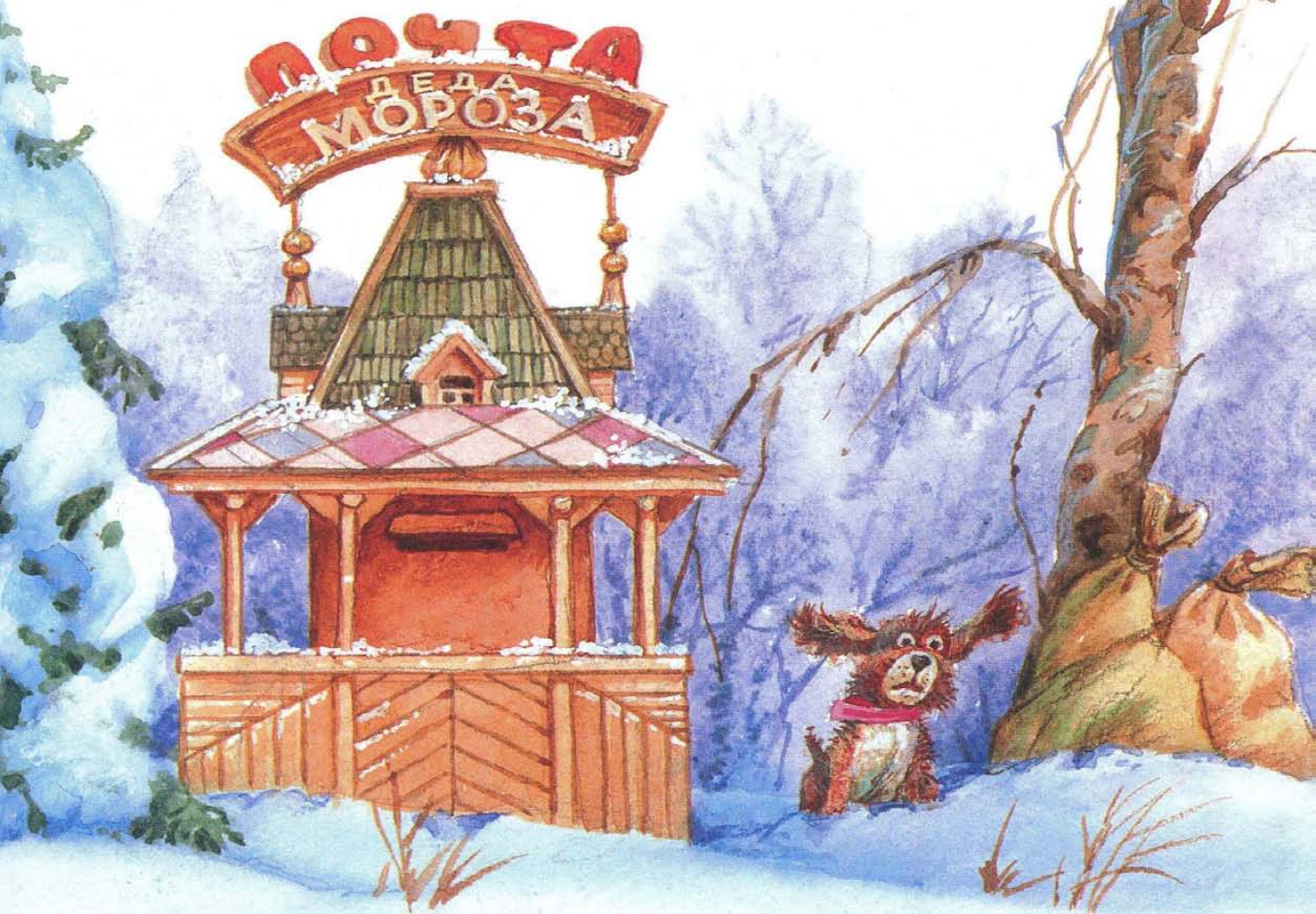
За синим-синим лесом,
За дальней-дальней чащей
В краю огромных елей
и сказочных берёз
Висит почтовый ящик
От инея блестящий...
Написано на ящике: «Дед Мороз».

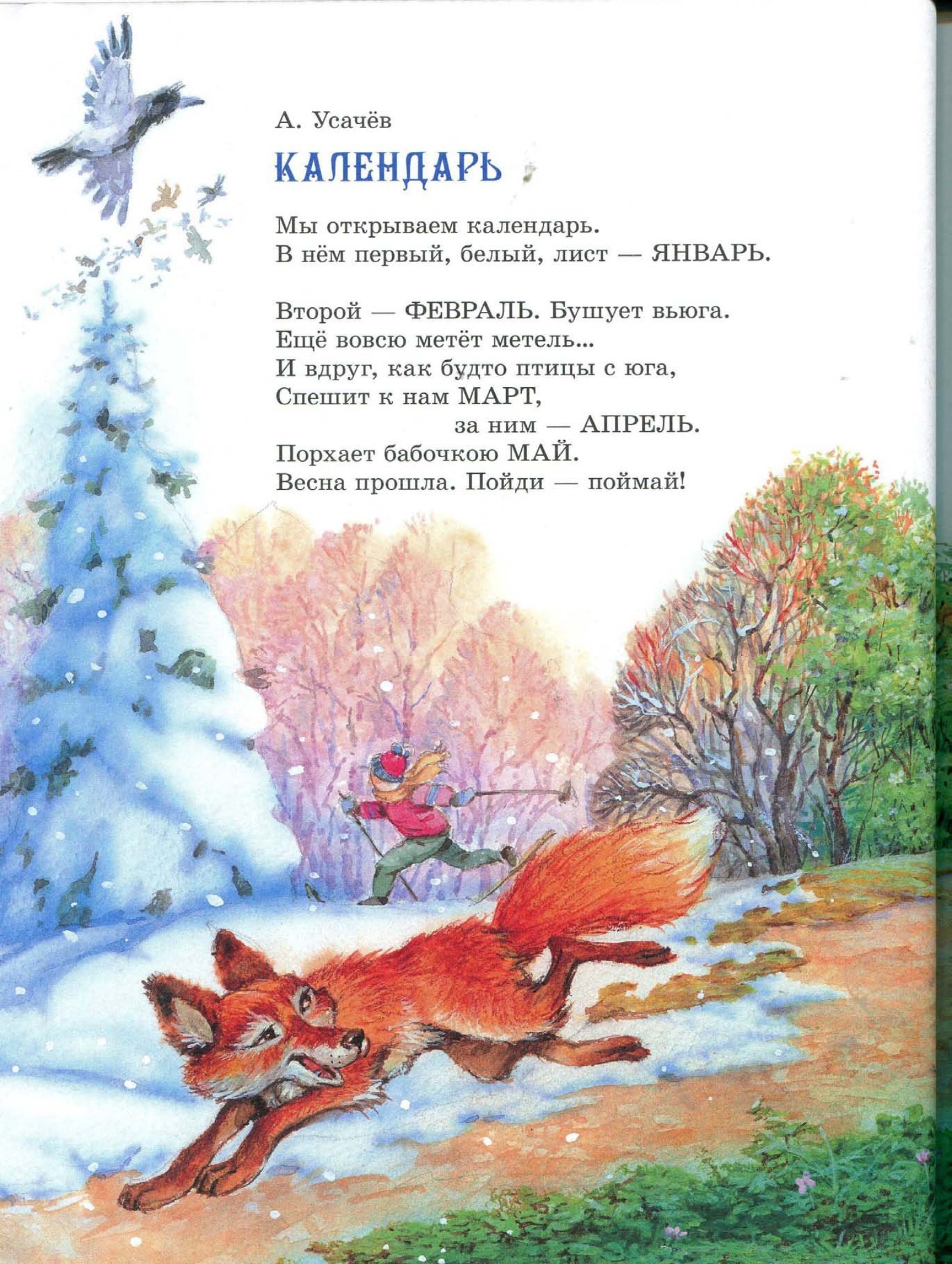
У дедушки Мороза
Немало дел серьёзных:
Он чудеса готовит,
которых мы так ждём...
Пока мы в сказку верим,
В его волшебный терем
Летит письмо на север
С почтовым снегирём.

Писем целые мешки
Носят под берёзу:
На деревню дедушке —
Дедушке Морозу.

Как северные птицы,
Летят всё время письма
От маленьких и взрослых
со всех концов земли.
Расскажут письма эти
О чём мечтают дети
И как весну и лето мы с вами провели.

За синим-синим лесом,
За дальней-дальней чащей
У дедушки Мороза в окне не гаснет свет...
От всех детей на свете
Он письма получает
И будет счастлив получить от вас привет.





А. Усачёв

КАЛЕНДАРЬ

Мы открываем календарь.
В нём первый, белый, лист — ЯНВАРЬ.

Второй — ФЕВРАЛЬ. Бушует вьюга.
Ещё вовсю метёт метель...
И вдруг, как будто птицы с юга,
Спешит к нам МАРТ,
за ним — АПРЕЛЬ.
Порхает бабочкою МАЙ.
Весна прошла. Пойди — поймай!

ИЮНЬ, ИЮЛЬ и АВГУСТ — это
Листы волшебной книги лета.
А следом — словно листопад —
СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ летят.

Осыпалась с дождями осень.
И в тёмном небе ДЕКАБРЯ
Снежинок лёгкий вальс уносит
Последний лист календаря.

Кружит весёлый хоровод.
Вот и ещё промчался год.

В. Одоевский

МОРОЗ ИВАНОВИЧ

Нам даром, без труда ничего не даётся, —
недаром исстари пословица ведётся.

В одном доме жили две девочки — Рукодельница да Ленивица, а при них нянюшка.

Рукодельница была умная девочка: рано вставала, сама, без нянюшки, одевалась, а вставши с постели, за дело принималась: печку топила, хлебы месила, избу мела, петуха кормила, а потом на колодец за водой ходила.

А Ленивица меж тем в постельке лежала, потягивалась, с боку на бок переваливалась, уж разве наскучит лежать, так скажет спросонья: «Нянюшка, надень мне чулочки, нянюшка, завяжи башмачки», а потом заговорит: «Нянюшка, нет ли булочки?» Встанет, попрыгает, да и сядет к окошку мух считать; сколько прилетело да сколько улетело. Как всех пересчитает Ленивица, так уж и не знает, за что приняться и чем бы заняться; ей бы в постельку — да спать не хочется; ей бы покушать — да есть не хочется; ей бы к окошку мух считать — да и

то надоело. Сидит, горемычная, и плачет да жалуется на всех, что ей скучно, как будто в том другие виноваты.

Между тем Рукодельница воротится, воду процедит, в кувшины нальёт; да ещё какая затейница: коли вода нечиста, так свернёт лист бумаги, наложит в неё угольков да песку крупного насыплет, вставит ту бумагу в кувшин да нальёт в неё воды, а вода-то знай проходит сквозь песок да сквозь уголья и каплет в кувшин чистая, словно хрустальная; а потом Рукодельница примется чулки вязать или платки рубить, а не то и рубашки шить да кроить, да ещё рукодельную песенку затянет; и не было никогда ей скучно, потому что и скучать-то было ей некогда: то за тем, то за другим делом, а тут, смотришь, и вечер — день прошёл.

Однажды с Рукодельницей беда приключилась: пошла она на колодец за водой, опустила ведро на верёвке, а верёвка-то и оборвись; упало ведро в колодец. Как тут быть?

Расплакалась бедная Рукодельница, да и пошла к нянюшке рассказывать про свою беду и несчастье; а нянюшка Прасковья была такая строгая и сердитая, говорит:

— Сама беду сделала, сама и поправляй; сама ведёрко утопила, сама и доставай.

Нечего было делать: пошла бедная Рукодельница опять к колодцу, ухватилась за верёвку и спустилась по ней к самому дну. Только тут с ней чудо случилось. Едва спустилась, смотрит: перед ней печка, а в печке сидит пирожок, такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

— Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом обжарился; кто меня из печки возьмёт, тот со мной и пойдёт!

Рукодельница, нимало не мешкая, схватила лопатку, вынула пирожок и положила его за пазуху.

Идёт она дальше. Перед нею сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки; яблочки листьями шевелят и промеж себя говорят:

— Мы, яблочки наливные, созрелые; корнем дерева питалися, студёной росой обмывалися; кто нас с дерева стрясёт, тот нас себе и возьмёт.

Рукодельница подошла к дереву, потрясла его за сучок, и золотые яблочки так и посыпались к ней в передник.

Рукодельница идёт дальше. Смотрит: перед ней сидит старик Мороз Иванович, седой-седой; сидит он на ледяной лавочке да снежные комочки ест; тряхнёт головой — от волос иней сыплется, ду́хом дохнёт — валит густой пар.

— А! — сказал он. — Здоро́во, Рукодельница! Спасибо, что ты мне пирожок принесла; давным-давно уж я ничего горяченького не ел.

Тут он посадил Рукодельницу возле себя, и они вместе пирожком позавтракали, а золотыми яблочками закусили.

— Знаю я, зачем ты пришла, — говорит Мороз Иванович, — ты ведёрко в мой студенец[1] опустила; отдать тебе ведёрко отдам, только ты мне за то три дня прослужи; будешь умна, тебе ж лучше; будешь ленива, тебе ж хуже. А теперь, — прибавил Мороз Иванович, — мне, старику, и отдохнуть пора; поди-ка приготовь мне постель, да смотри взбей хорошенько перину.

[1] Колодец.

Рукодельница послушалась... Пошли они в дом. Дом у Мороза Ивановича сделан был весь изо льда: и двери, и окошки, и пол ледяные, а по стенам убрано снежными звёздочками; солнышко на них сияло, и всё в доме блестело, как брильянты. На постели у Мороза Ивановича вместо перины лежал снег пушистый; холодно, а делать было нечего.

Рукодельница принялась взбивать снег, чтобы старику было мягче спать, а между тем у ней, бедной, руки окостенели и пальчики побелели, как у бедных людей, что зимой в проруби бельё полощут: и холодно, и ветер в лицо, и бельё замерзает, колом стоит, а делать нечего — работают бедные люди.

— Ничего, — сказал Мороз Иванович, — только снегом пальцы потри, так и отойдут, не отзнобишь. Я ведь старик добрый; посмотри-ка, что у меня за диковинки.

Тут он приподнял свою снежную перину с одеялом, и Рукодельница увидела, что под периною пробивается зелёная травка. Рукодельнице стало жалко бедной травки.

— Вот ты говоришь, — сказала она, — что ты старик добрый, а зачем ты зелёную травку под снежной периной держишь, на свет божий не выпускаешь?

— Не выпускаю потому, что ещё не время, ещё трава в силу не вошла. Осенью крестьяне её посеяли, она и взошла, и кабы вытянулась уже, то зима бы её захватила, и к лету травка бы не вызрела. Вот я и прикрыл молодую зелень моею снежною периной, да ещё сам прилёг на неё, чтобы снег ветром не разнесло, а вот придёт весна, снежная перина растает, травка заколосится, а там, смотришь, выглянет и зерно, а зерно крестьянин соберёт да на мельницу отвезёт; мельник зерно смелет, и будет мука, а из муки ты, Рукодельница, хлеб испечёшь.

— Ну, а скажи мне, Мороз Иванович, — сказала Рукодельница, — зачем ты в колодце-то сидишь?

— Я затем в колодце сижу, что весна подходит, — сказал Мороз Иванович. — Мне жарко становится; а ты знаешь, что и летом в колодце холодно бывает, оттого и вода в колодце студёная, хоть посреди самого жаркого лета.

— А зачем ты, Мороз Иванович, — спросила Рукодельница, — зимой по улицам ходишь да в окошки стучишься?

— А я затем в окошки стучусь, — отвечал Мороз Иванович, — чтоб не забывали печей топить да трубы вовремя закрывать; а не то, ведь я знаю, есть такие неряхи, что печку истопить истопят, а трубу закрыть не закроют или и закрыть закроют, да не вовремя, когда ещё не все угольки прогорели, а от того в горнице угарно бывает, голова у людей болит, в глазах зелено; даже и совсем умереть от угара можно. А затем ещё я в окошко стучусь, чтобы никто не забывал, что есть на свете люди, которым зимою холодно, у которых нету шубки, да и дров купить не на что; вот я затем в окошко стучусь, чтобы им помогать не забывали.

Тут добрый Мороз Иванович погладил Рукодельницу по головке, да и лёг почивать на свою снежную постель.

Рукодельница меж тем всё в доме прибрала, пошла на кухню, кушанье изготовила, платье у старика починила и бельё выштопала.

Старичок проснулся; был всем очень доволен и поблагодарил Рукодельницу. Потом сели они обедать; обед был прекрасный, и особенно хорошо было мороженое, которое старик сам изготовил.

Так прожила Рукодельница у Мороза Ивановича целых три дня.

На третий день Мороз Иванович сказал Рукодельнице:

— Спасибо тебе, умная ты девочка, хорошо ты меня, старика, утешила, и я у тебя в долгу не останусь. Ты знаешь: люди за рукоделье деньги получают, так вот тебе твоё ведёрко, а в ведёрко я всыпал целую горсть серебряных пятачков; да, сверх того, вот тебе на память брильянтик — косыночку закалывать.

Рукодельница поблагодарила, приколола брильянтик, взяла ведёрко, пошла опять к колодцу, ухватилась за верёвку и вышла на свет божий.

Только что она стала подходить к дому, как петух, которого она всегда кормила, увидел её, обрадовался, взлетел на забор и закричал:

Кукареку, кукареки́!
У Рукодельницы в ведёрке пятаки!

Когда Рукодельница пришла домой и рассказала всё, что с ней было, нянюшка очень дивовалась, а потом примолвила:

— Вот видишь ты, Ленивица, что люди за рукоделье получают! Поди-ка к старичку да послужи ему, поработай; в комнате у него прибирай, на кухне готовь, платье чини да бельё штопай, так и ты горсть пятачков заработаешь, а оно будет кстати: у нас к празднику денег мало.

Ленивице очень не по вкусу было идти к старику работать. Но пятачки ей получить хотелось и брильянтовую булавочку тоже.

Вот, по примеру Рукодельницы, Ленивица пошла к колодцу, схватилась за верёвку да бух прямо ко дну. Смотрит — перед ней печка, а в печке сидит пирожок, такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

— Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом обжарился; кто меня возьмёт, тот со мной и пойдёт.

А Ленивица ему в ответ:

— Да, как бы не так! Мне себя утомлять — лопатку поднимать да в печку тянуться; захочешь, сам выскочишь.

Идёт она далее, перед нею сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки; яблочки листьями шевелят да промеж себя говорят:

— Мы яблочки наливные, созрелые; корнем дерева питалися, студёной росой обмывалися; кто нас с дерева стрясёт, тот нас себе и возьмёт.

— Да, как бы не так! — отвечала Ленивица. — Мне себя утомлять — ручки подымать, за сучья тянуть... Успею набрать, как сами нападают!

И прошла Ленивица мимо них. Вот дошла она и до Мороза Ивановича. Старик по-прежнему сидел на ледяной скамеечке да снежные комочки прикусывал.

— Что тебе надобно, девочка? — спросил он.

— Пришла я к тебе, — отвечала Ленивица, — послужить да за работу получить.

— Дельно ты сказала, девочка, — отвечал старик, — за работу деньги следуют, только посмотрим, какова ещё твоя работа будет! Поди-ка взбей мне перину, а потом кушанье изготовь, да платье моё повычини, да бельё повыштопай.

Пошла Ленивица, а дорогой думает:

«Стану я себя утомлять да пальцы знобить! Авось старик не заметит и на невзбитой перине уснёт».

Старик в самом деле не заметил или прикинулся, что не заметил, лёг в постель и заснул, а Ленивица пошла на кухню.

Пришла на кухню, да и не знает, что делать. Кушать-то она любила, а подумать, как готовилось кушанье, это ей в голову не приходило; да и лень было ей посмотреть. Вот она огляделась: лежит перед ней и зелень, и мясо, и рыба, и уксус, и горчица, и квас — всё по порядку. Думала она, думала, кое-как зелень обчистила, мясо и рыбу разрезала да, чтоб большого труда себе не давать, как всё было, мытое-немытое, так и положила в кастрюлю: и зелень, и мясо, и рыбу, и горчицу, и уксус да ещё кваску подлила, а сама думает:

— Хорошо ты готовишь, — заметил он, улыбаясь. — Посмотрим, какова твоя другая работа будет.

Ленивица отведала, да тотчас и выплюнула, а старик покряхтел, покряхтел, да и принялся сам готовить кушанье и сделал обед на славу, так что Ленивица пальчики облизала, кушая чужую стряпню.

После обеда старик опять лёг отдохнуть да припомнил Ленивице, что у него платье не починено, да и бельё не выштопано.

Ленивица понадулась, а делать было нечего: принялась платье и бельё разбирать; да и тут беда: платье и бельё Ленивица на́шивала, а как его шьют, о том и не спрашивала; взяла было иголку, да с непривычки укололась; так её и бросила. А старик опять будто бы ничего не заметил, ужинать Ленивицу позвал, да ещё спать её уложил.

А Ленивице то и любо; думает себе:

«Авось и так пройдёт. Вольно было сестрице на себя труд принимать; старик добрый, он мне и так, задаром, пятачков подарит».

На третий день приходит Ленивица и просит Мороза Ивановича её домой отпустить да за работу наградить.

— Да какая же была твоя работа? — спросил старичок. — Уж коли на правду дело пошло, так ты мне должна заплатить, потому что не ты для меня работала, а я тебе служил.

— Да, как же! — отвечала Ленивица. — Я ведь у тебя целых три дня жила.

— Знаешь, голубушка, — отвечал старичок, — что я тебе скажу: жить и служить — разница, да и работа работе рознь; заметь это: вперёд пригодится. Но, впрочем, если тебя совесть не зазрит, я тебя награжу: и какова твоя работа, такова будет тебе и награда.

С этими словами Мороз Иванович дал Ленивице пребольшой серебряный слиток, а в другую руку — пребольшой брильянт.

Ленивица так этому обрадовалась, что схватила то и другое и, даже не поблагодарив старика, домой побежала.

Пришла домой и хвастается.

— Вот, — говорит, — что я заработала; не сестре чета, не горсточку пятачков да не маленький брильянтик, а целый слиток серебряный, вишь, какой тяжёлый, да и брильянт-то чуть не с кулак... Уж на это можно к празднику обнову купить...

Не успела она договорить, как серебряный слиток растаял и полился на пол; он был не что иное, как ртуть, которая застыла от сильного холода; в то же время начал таять и брильянт. А петух вскочил на забор и громко закричал:

Кукареку-кукарекýлька,
У Ленивицы в руках ледяная сосулька!

А вы, детушки, думайте, гадайте, что здесь правда, что неправда; что сказано впрямь, что стороною; что шутки ради, что в наставленье...

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ

Словацкая сказка

Жила когда-то в одной деревне девушка — добрая и работящая. А ещё такая красивая — что лучше и во всём свете, пожалуй, не сыскать. Говорят, что когда стирала она бельё на реке, даже маленькие глупые рыбки приплывали взглянуть на неё. Мать этой девушки давно умерла. Отец снова женился, и досталась ему женщина злая и сварливая. Хуже и в сказках не бывает. Была у мачехи своя дочь. Характером точь-в-точь мать. Да к тому же такая собой безобразная, что даже мать, глядя на неё, тихонько вздыхала.

Возненавидели мачеха и её дочь падчерицу. Бьют её, ругают, куском хлеба попрекают да работы тяжёлой задают немерено. Но вот беда — что ни день, становится падчерица всё красивее, а мачехина дочь — всё уродливее. «Что бы сделать, — думает злая баба, — чтобы избавиться от падчерицы. Скоро к ней женихи валом повалят, а на мою дочь родную никто и не взглянет...» Вот и придумала. Как-то в конце декабря, когда стояли лютые морозы, уехал отец девушки в город за подарками. А мачеха тут как тут. Зовёт она к себе падчерицу и говорит ей:

— Ах ты, лентяйка, лежебока такая-разэтакая! Скоро уж будет у нас праздник, а твоей сестре и похвалиться нечем. Ступай-ка в лес, набери букет фиалок, чтобы приколола она их к платью да кавалеров порадовала.

— Как же это так, матушка? — спрашивает девушка. — На дворе декабрь месяц, снегом всё замело. Откуда же фиалкам взяться?

— Ступай сейчас же! — топнула ногой злая баба. — И не вздумай без фиалок возвращаться!

Вытолкнула она бедную девушку на улицу и дверь за ней захлопнула.

Видит падчерица, делать нечего. Пошла она в лес. А уж ночь близится. Мороз лютует. До самых костей проморозить норовит, ветер завывает, пути-дороги не видать.

«Значит, судьба у меня такая. Замёрзну в лесу», — думает девушка. Шаг за шагом по сугробам — всё дальше уходит она от родных мест. Вот уж лес вокруг дикий, незнакомый. Вдруг видит девушка — то ли звёздочка, то ли костёр вдалеке горит. И будто даже потихоньку ей подмигивает. Пошла девушка за огоньком и вышла на полянку.

Яркий костёр горел посреди той полянки и сидело вокруг него двенадцать человек — похожих, будто братья родные,

только возрасту все разного. Самый старший из них, с густой седой бородою, держал в руках узорный посох.

Заробела девушка. Что за люди?.. Да обратно поворачивать боязно. Низко поклонилась она незнакомцам.

— Здравствуйте, — говорит, — люди добрые. Позвольте чуть-чуть у костра вашего обогреться.

— Здравствуй, девица, — хором отвечают ей братья. — Садись, гостьей нашей будешь.

Присела девушка у костра, пальцы замёрзшие греет. И вдруг стало ей так хорошо и спокойно, будто рядышком с родной матушкой очутилась.

Меж тем старший из братьев спрашивает:

— Куда путь, красавица, держишь? Чего в такую ночь ищешь?

— Ах, — вздохнула девушка. — Не своей волей, но повелением мачехи. Послала она меня в лес за фиалками и строго-настрого приказала без них не возвращаться.

— Откуда же в декабрьском лесу фиалки? — снова спрашивает старший. — Фиалкам май месяц нужен.

— Знаю, дедушка, знаю, да что поделаешь?! Не пустит мачеха меня в дом без фиалок.

— Братец, а братец, — говорит тут самый молодой из них в щегольской шубке да ярких сапожках, — давай девице поможем. Пропадёт ведь совсем без нашей помощи.

Задумчиво покачал головой старший:

— Поможем сейчас — мачеха ещё что-нибудь придумает. Летом за снегом пошлёт.

— Так пусть посылает! Я-то всегда!.. — вскинулся молодой.

Укоризненно посмотрел на него старший:

— Уж больно ты, Январь, легкомыслен. Ну да ладно. Что ни говори, а помочь надо.

Слушает девушка и дивится. «Кто же это перед ней?» — думает.

А братья промеж себя разговор продолжают:

— Позволь мне, Декабрь, на твоё место ненадолго встать. И вправду, пропадёт без нас девушка!

Стали все месяцы упрашивать Декабрь, чтобы помог он девушке, и решился суровый старик.

— Хорошо, — говорит, — бери, братец Май, мой посох. Быть тебе на полчаса в лесу главным. Да смотри, не очень озоруй!

Взял юный Май братов посох, взмахнул им и сказал:

— Пусть — по слову моему —
Здесь случиться чуду —
Снег пускай сойдёт в бору
И я править буду!

Только-только произнёс он эти слова, как заспешили по земле ручейки, обнажилась земля. Вот уже показались из неё маленькие зелёные росточки. Стремительно потянулись они кверху, становясь нежной молоденькой травкой. А среди травы, словно голубые глазки, запестрели фиалки.

Смотрит девушка на этакое чудо, и глазам своим не верит.

А Май ей ласково:

— Рви фиалки, красавица, недолго моё время. Не бывать маю посреди зимы, скоро брат Декабрь в свои права вступит.

Кинулась девушка собирать цветы, набрала букетик и травинкой его перевязала.

— Спасибо, — говорит, — братья-месяцы. Спасли вы меня от лютой смерти. Век вас не забуду!

— И в другой раз приходи, если нужда такая настанет, — говорит ей старик Декабрь.

Пошла домой девушка, оглянулась, а позади уже опять сугробы да сугробы. Будто и приснилось всё ей. Да только под старенькой шубкой букетик цветов спрятан. Видно, и вправду бывают чудеса на свете.

Вернулась она домой, стучится. А мачеха ей:

— Что пришла?! Ступай обратно! Говорю же: без фиалок не возвращайся!

Достала девушка из-под шубы фиалки и подаёт мачехе. А та аж в лице от злобы переменилась. Не поймёт никак, откуда падчерица цветы достала, как приказание исполнить смогла?.. Стала к девушке с вопросами приступать. А девушка:

— В лесу нашла, матушка, всё как вы и сказали. На полянке одной росли...

Делать нечего, оставила мачеха девушку в покое. Но назавтра вновь сговорилась она со своей дочерью и вместе к падчерице приступают:

— Ах ты, лентяйка, лежебока такая-разэтакая! Скоро уж будет у нас праздник, а твоей сестре и полакомиться нечем! Ступай в лес, принеси сладких ягод.

— Как же это так, матушка? — удивляется девушка. — На дворе декабрь месяц, снегом всё замело. Ягоды в июле поспевают.

Но не стали её даже слушать, вытолкали на улицу, а дверь крепко-накрепко за ней заперли.

Пошла девушка опять в лес. Метель её кружит, с дороги сбивает, снегом колючим в лицо бьёт, ветви деревьев за шубу хватают, идти не пускают. Уже и не знает она, куда идти, что делать. «Видно, судьба у меня такая, — думает. — Совсем в лесу сгину». Вдруг видит — вчерашняя звёздочка. Пошла девушка за ней и вышла на поляну.

На поляне — костёр ярче прежнего. Как и прежде, сидят вокруг него двенадцать братьев-месяцев. Низко поклонилась им девушка и вновь попросилась у костра погреться.

— Здравствуй-зравствуй, — отвечают ей месяцы.

А суровый Декабрь спрашивает:

— Зачем, красавица, пожаловала? Что ещё твоя мачеха надумала?

Рассказала девушка всё как есть.

— Ну что ж, — отвечают месяцы. — И в этот раз поможем мы твоему горю.

Взял Июль месяц братов посох, взмахнул им и произнёс:

— Пусть — по слову моему —
Вновь случиться чуду —
Будут ягоды в бору
И я править буду!

Только сказал — и вновь заспешили по земле ручейки, растаял снег, из земли показалась молодая травка, а среди неё — земляничные побеги. Вот уже расцвели на землянике белые цветочки. Распустились и опали, а на их месте появились ягодки. Краснеют земляниченки, сладким соком наливаются.

Смотрит на это девушка, и взгляда отвести не может. Что за чудо чудесное?!

— Собирай же скорей, — говорит ей Июль ласково. — Не долго моему времени быть, скоро вновь в права братец Декабрь вступит. Заметёт тропинки — до самой весны.

Набрала девушка полную горсть крупных сладких ягод, поклонилась братьям в пояс, благодаря их за доброту, и домой пошла.

Оглянулась — а позади снег нехоженый, и качают на студёном ветру ветвями деревья. А в руке-то земляника! Настоящая!

Вернулась девушка в дом. Ещё больше взъярилась злая мачеха. «Что же делать? — думает. — Как бы падчерицу вконец извести?..» Сговорилась она со своей дочерью, и как наступил следующий вечер, вновь девушку в лес посылают.

— Принеси, — говорят, — наливных яблочек. И без них возвращаться не думай!

Вытолкали они бедную девушку за дверь, а там метель ещё пуще прежнего. Так и

завывает, в хороводе закружить норовит, с пути сбить, памяти лишить, до костей проморозить.

Делать нечего. Пошла девушка в лес. А мачеха с дочерью за ней — посмотреть, кто падчерице помогает, её от лютой смерти спасает. Идёт девушка. Башмаки в сугробах намокли, колючий снег в лицо бьёт...

Долго блуждала она, но вот видит знакомую звёздочку. Пошла девушка за ней, и вышла на полянку, где двенадцать месяцев сидели.

А мачеха с дочерью за деревьями схоронились — смотрят да слушают.

Поклонилась девушка братьям-месяцам и рассказала о новой напасти.

— Что ж, — говорит Декабрь. — И теперь поможем тебе. Не в нашем обычае нуждающегося без помощи бросать. Каждый в свой черёд заботимся мы о земле да за порядком наблюдаем. Но ныне передам я свой посох братцу Сентябрю. Будут твоей мачехе наливные яблочки.

Взял братов посох Сентябрь, взмахнул им и говорит:

— Пусть — по слову моему —
Быть ещё раз чуду —
Будут яблоки в бору
И я править буду!

Только сказал он — растаял снег, зазеленела трава и покрылась лесная яблонька кружевными цветами. Расцвели цветы и опали, а на их месте яблочки показались. Что ни минута — всё растут и зреют, сладким соком наливаются.

Стоит девушка и глазам своим поверить не может. В несколько мгновений промчался перед ней почти полный год.

— Что же ты медлишь? — спрашивает её меж тем Сентябрь. — Не долго быть моему времени. Ещё зима середины своей не достигла. Потом весне быть и лету. А уж там, вслед за братцем Августом, и мой черёд.

Нарвала девушка яблок. Некрупных, как и все лесные яблочки, зато сочных и румяных.

Поклонилась она двенадцати месяцам — всем сразу да каждому в особицу. И пошла домой.

Но только она от костра, к костру мачеха с дочкой.

— Слышали мы, — говорят, — что вы девчонке глупой помогаете. Мы тоже свою долю получить хотим. Пусть каждый месяц нам по подарочку даст!

Переглянулись меж собой братья. А Декабрь и говорит:

— Ну что же, будь по-вашему. Примите, любезные да ласковые, сперва от меня подарочек.

Нахмурил он брови, ударил посохом — и закружила по лесу такая метель, что мачеха с дочерью света белого невзвидели.

— Хватит! Хватит! Достаточно! — кричат.

Да кто же услышит их за рёвом ветра.

Так они в лесу и сгинули.

Падчерица тем временем вернулась домой. Долго ждала она мачеху и сестрицу, но те так и не объявились. Скоро и отец из города приехал, подарков привёз. И зажили они хорошо и счастливо.

А двенадцать месяцев она с тех пор только по отдельности видела. С декабря до декабря каждый из них в свою пору в гости заходил. И не просто так — с подарками. Кто снега пушистого принесёт, кто капелью звонкой порадует, а кто грибами да ягодами...

СОДЕРЖАНИЕ

Ф. Тютчев. «ЧАРОДЕЙКОЮ ЗИМОЮ...» 4
Н. Некрасов. МОРОЗ-ВОЕВОДА 6
А. Пушкин. «ВОТ СЕВЕР, ТУЧИ НАГОНЯЯ...» 11
Г. Лагздынь. МОРОЗ 12
С. Есенин. «ПОЁТ ЗИМА — АУКАЕТ...» 14
Р. Кудашева. ЗИМНЯЯ ПЕСЕНКА 17
М. Пожарова. ЗАКЛИНАНИЕ ЗИМЫ 18
Л. Воронкова. ЗИМА 20
А. Усачёв. СНЕЖНАЯ КНИГА 22
А. Усачёв. СНЕЖИНКИ 24
А. Усачёв. МАРШ СНЕГОВИКОВ 26
А. Усачёв. ЗИМНЯЯ СКАЗКА 28
А. Усачёв. МЕЛЬНИЦА 30
А. Усачёв. ПОЧТА ДЕДА-МОРОЗА 32
А. Усачёв. КАЛЕНДАРЬ 34
В. Одоевский. МОРОЗ ИВАНОВИЧ 37
ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ *(Словацкая сказка в обр. Е. Неволиной)* 53

ISBN 978-5-353-04287-7

9 785353 042877